

О ТИПЕ КРИТИКА

Критикой недовольны читатели. Критикой недовольны писатели. Критикой недовольны сами критики.

Перечислим главные пункты обвинения. Критики плохо знают жизнь: их личный уровень недостаточно высок; многие из них не понимают особенности искусства; в работе их нет оперативности; суждения некоторых из них не отличаются постоянством.

Все эти обвинения не затрагивают основного вопроса: о типе критика, о характере его работы.

Большинство наших критиков-литераторов без темы. Они даже не пишут ее: в готовом виде она им подносится писателем. Совершенно правильно жаловалась К. Зелинский, что они не выходят за пределы разбирайского произведения. Недавно эта жалоба повторил В. Гоффеинштейн. «Как пишут некоторые наши критики? Они прочитывают книгу и пишут о ней как о явлениях, изолированных и от остальных литературных явлений, и от литературной проблематики». Замечание т. Гоффеинштейна правильное, но оно было бы еще более правильным, если бы он добавил: и от жизни.

В этом основной порок большинства критических статей. Сплющ и рядом ссылка на Белинского, Добролюбова и Чернышевского, авторы этих статей забывают лучшие традиции старой критики, выдвигавшей в качестве главной своей задачи «разъяснение тех явлений действительности, которые вызвали известное художественное произведение. Речь идет не только о сражении с действительностью — это относительно несложное дело. Речь идет о самостоятельной разработке тем, выдвигаемых жизнью и литературой. Речь идет о публицистической пропаганде».

Буржуазная литература имела основания недолюбливать публицистическую критику, ибо рассуждая по поводу художественного произведения, критик часто выводил из него такие следствия, которых автор этого произведения (буржуазное общество) страшился. Отсюда всемерное ограничение задач критики узкими рамками формализма.

В литературе социалистического реализма положение коренным образом меняется. Писатель не боится следствий, которые можно вывести из его книг. Крайне важные разговоры о форме не могут заглушить здесь рассуждений, то это обясняется не только незнакомством до конца влиянием формалистических тенденций, но и уровнем критических кадров. Если у нас еще сохранились немногочисленные писатели, пытающиеся разговорами о «специфике» прокрасться между публицистической критики, то для многих критиков разговоры о «специфике» служат лазейкой, через которую можно увидеть из основных вопросов жизни, требующих для своего разрешения большого теоретического и практического опыта.

Публицистической критикой у нас часто считают немногие рассуждения на тему: «Главный герой расска-

зывает — типичный середняк. Однако он еще очень далек от того, чтобы шагать в ногу с эпохой», или «Герой весь — в русле эпохи», или «Герой этого времени недостаточно высок; многие из них не понимают особенности искусства; в работе их нет оперативности; суждения некоторых из них не отличаются постоянством».

Все эти обвинения не затрагивают основного вопроса: о типе критика, о характере его работы.

Также кончается критик-чтатель и начинается критик-писатель? «Гарант» Соллогуб да Белинскому новой для осени славянской философии; тургеневская «Ася» вызвала одно из лучших высказываний Чернышевского против либералов; Добролюбов, разобрав Островского, разоблачал крепостнические пороки, образец Базарова послужил для Писарева поводом пропаганда положительных идеалов. Много ли статей подобного типа (подчеркиваем: типа, а не уровня) выпело из-под пера наших критиков за последние времена? Однажды — и обчелся.

Недавно в «Правле» были поменяны на статьи т. В. Фейгина «О новом человеке» и «типе партийного работника». Разве покойные темы не выдвигаются и нашей художественной литературой? Почему же бездействует критика?

Критик — критика настойчиво призывающая писателя обозрить положительного героя — молодого человека — из наших дней. И читатель сразу же оценивает и нашу художественную литературу? Речь идет о самостоятельной разработке тем, выдвигаемых жизнью и литературой. Речь идет о публицистической пропаганде».

В течение последнего времени на одном участке нашей литературы идет усиленная переоценка старых интеллигентских ценностей. От бывшего противостояния интеллигентии пролетариату не остается и следа: историческая роль рабочего класса, наконец-то, понята во всем объеме. Где же критик, поставленный это расставление с миной культурой?

Конечно, решение подобных задач требует больше труда и, главное, больше ума, чем нехитрый комментарий — «автор хотел сказать» (как будто читатель не видит сам, что хотел сказать автор) или простое «социологизирование — герой отражает» (как будто читателю трудно понять что отражает герой).

Конечно, это несколько сложнее, чем простодушные построения Панферов — Бальзак, Чумандри — Голстай, Черненко — Гамсун.

Конечно, в свете этих задач несколько меркнет ореол вокруг голов многочисленных тружеников пера, виляющих в очах полезном начинанием дотошного читателя вершинами критического творчества... Что ж, без ореола проживут.

«Критика должна говорить о недостатках, критика должна помогать писателю», — читаем мы часто на

страницах журналов и газет. Это бесспорно. Но как много у нас критиков, принимающих эти положения буквально и из самого процесса своей деятельности заключающих, что они знают больше и понимают лучше писателя. Образуется как бы литературная «скорая помощь». Общество самых проницательных людей. Профессия писателя недостаточна. Критики превращаются в литеракультурных консультантов.

«Липом к писателю» не означает «спиной к читателю». Между тем увлеченные оказанием помощи и поисками ошибки, такие критики неизбежно забывают о читателе.

Блестящие представители публицистической критики прошлого века — Чернышевский против либералов; Добролюбов, разобрав Островского, разоблачал крепостнические пороки, образец Базарова послужил для Писарева поводом пропаганда положительных идеалов. Много ли статей подобного типа (подчеркиваем: типа, а не уровня) выпело из-под пера наших критиков за последние времена? Однажды — и обчелся.

Недавно в «Правле» были поменяны на статьи т. В. Фейгина «О новом человеке» и «типе партийного работника». Разве покойные темы не выдвигаются и нашей художественной литературой? Почему же бездействует критика?

Критик — критика настойчиво призывающая писателя обозрить положительного героя — молодого человека — из наших дней. И читатель сразу же оценивает и нашу художественную литературу? Речь идет о публицистической пропаганде».

Также не уловимо заслуги Беленского, имеющего попытки обяснить и критике Маркса в Польше-Коку, как к последнему представителю авантюристо-буржуазного романа, которому еще свойственные были непредвзятость, а иногда и цинизм в изображении отношения буржуазного общества.

По мнению Беленского, дело обстоит гораздо проще: Маркс предложил романы Польше-Коку, «может быть, именно, как мастера изгото-

вленных из «Людей СТЗ», а комсомольцы из «Розы ветров» и десятки

статьях, в которых мы ежедневно читаем в очер-
катах?

В течение последнего времени на одном участке нашей литературы идет усиленная переоценка старых интеллигентских ценностей. От бывшего противостояния интеллигентии пролетариату не остается и следа: историческая роль рабочего класса, наконец-то, понята во всем объеме. Где же критик, поставленный это расставление с миной культурой?

Конечно, решение подобных задач требует больше труда и, главное, больше ума, чем нехитрый комментарий — «автор хотел сказать» (как будто читатель не видит сам, что хотел сказать автор) или простое «социологизирование — герой отражает» (как будто читателю трудно понять что отражает герой).

Конечно, это несколько сложнее, чем простодушные построения Панферов — Бальзак, Чумандри — Голстай, Черненко — Гамсун.

Конечно, в свете этих задач несколько меркнет ореол вокруг голов многочисленных тружеников пера, виляющих в очах полезном начинанием дотошного читателя вершинами критического творчества... Что ж, без ореола проживут.

«Критика должна говорить о недостатках, критика должна помогать писателю», — читаем мы часто на

А. СТУПНИКЕР.

КНИГИ

А. И. БЕЛЕЦКИЙ И. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Читателя, который пожелал бы уяснить себе принципы эстетических взглядов Маркса и Энгельса с помощью книги Беленского, ждало бы разочарование. В книге нет никаких новых самостоятельных мыслей, а есть лишь поверхностные пересказы проблем, гораздо более глубоко освещенных в марксистской литературе.

Беленский, представляющий собой скрытие различных возвращений и оговорок. Так, например, автор не согласен с имеющимися взглядами о том, что Маркс противопоставляет величайшим образом классического искусства псевдогони буржуазного творчества. По его мнению, Маркс и Энгельс отнеслись очень внимательно к литературным представителям этого периода, и в частности к писателям, которые в своем труме изображали неудачи и поражения германского империализма (?) немецкого буржуазного творчества. «Не пришло изумление, что наследие германского империализма (?) немецкого буржуазного творчества не пришло (?) выдвинуть писателей, которые Маркс и Энгельс могли бы быть поставлены рядом с Бальзаком или английским реалистами средины XIX в.» (стр. 25).

Также не уловимо заслуги Беленского, имеющего попытки обяснить и критике Маркса в Польше-Коку, как к последнему представителю авантюристо-буржуазного романа, которому еще свойственные были непредвзятость, а иногда и цинизм в изображении отношения буржуазного общества.

По мнению Беленского, дело обстоит гораздо проще: Маркс предложил романы Польше-Коку, «может быть, именно, как мастера изгото-

вленных из «Людей СТЗ», а комсомольцы из «Розы ветров» и десятки

статьях, в которых мы ежедневно читаем в очер-
катах?

В течение последнего времени на одном участке нашей литературы идет усиленная переоценка старых интеллигентских ценностей. От бывшего противостояния интеллигентии пролетариату не остается и следа: историческая роль рабочего класса, наконец-то, понята во всем объеме. Где же критик, поставленный это расставление с миной культурой?

Конечно, решение подобных задач требует больше труда и, главное, больше ума, чем нехитрый комментарий — «автор хотел сказать» (как будто читатель не видит сам, что хотел сказать автор) или простое «социологизирование — герой отражает» (как будто читателю трудно понять что отражает герой).

Конечно, это несколько сложнее, чем простодушные построения Панферов — Бальзак, Чумандри — Голстай, Черненко — Гамсун.

Конечно, в свете этих задач несколько меркнет ореол вокруг голов многочисленных тружеников пера, виляющих в очах полезном начинанием дотошного читателя вершинами критического творчества... Что ж, без ореола проживут.

«Критика должна говорить о недостатках, критика должна помогать писателю», — читаем мы часто на

В. КЕМЕНОВ.

Изд. «Мир», 1934, стр. 176.

ЗАДАЧИ КРИТИКИ И ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Читатель ждет от критики такого анализа интересующего его произведения, который позволил бы ему оценить этим произведением во всей его художественной специфике, писатель ждет такого анализа, в основе которого лежит и полное знание той области жизни, о которой идет речь, и полное понимание своеобразия творческой работы писателя, работы над образом, композицией, языком. Выступила А. М. Горький, напротив же неверных установок многих писателей и писательниц, такие критики неизбежно забывают о читателе.

Беленский, представляющий собой скрытие различных возвращений и оговорок. Так, например, автор не согласен с имеющимися взглядами о том, что Маркс противопоставляет величайшим образом классического искусства псевдогони буржуазного творчества. По его мнению, Маркс и Энгельс отнеслись очень внимательно к литературным представителям этого периода, и в частности к писателям, которые в своем труме изображали неудачи и поражения германского империализма (?) немецкого буржуазного творчества. «Не пришло изумление, что наследие германского империализма (?) немецкого буржуазного творчества не пришло (?) выдвинуть писателей, которые Маркс и Энгельс могли бы быть поставлены рядом с Бальзаком или английским реалистами средины XIX в.» (стр. 25).

Также не уловимо заслуги Беленского, имеющего попытки обяснить и критике Маркса в Польше-Коку, как к последнему представителю авантюристо-буржуазного романа, которому еще свойственные были непредвзятость, а иногда и цинизм в изображении отношения буржуазного общества.

По мнению Беленского, дело обстоит гораздо проще: Маркс предложил романы Польше-Коку, «может быть, именно, как мастера изгото-

вленных из «Людей СТЗ», а комсомольцы из «Розы ветров» и десятки

статьях, в которых мы ежедневно читаем в очер-
катах?

В течение последнего времени на одном участке нашей литературы идет усиленная переоценка старых интеллигентских ценностей. От бывшего противостояния интеллигентии пролетариату не остается и следа: историческая роль рабочего класса, наконец-то, понята во всем объеме. Где же критик, поставленный это расставление с миной культурой?

Конечно, решение подобных задач требует больше труда и, главное, больше ума, чем нехитрый комментарий — «автор хотел сказать» (как будто читатель не видит сам, что хотел сказать автор) или простое «социологизирование — герой отражает» (как будто читателю трудно понять что отражает герой).

Конечно, это несколько сложнее, чем простодушные построения Панферов — Бальзак, Чумандри — Голстай, Черненко — Гамсун.

Конечно, в свете этих задач несколько меркнет ореол вокруг голов многочисленных тружеников пера, виляющих в очах полезном начинанием дотошного читателя вершинами критического творчества... Что ж, без ореола проживут.

«Критика должна говорить о недостатках, критика должна помогать писателю», — читаем мы часто на

В. КЕМЕНОВ.

Изд. «Мир», 1934, стр. 176.

время в учебных планах ИКП литературы наш, или в системе подготовки аспирантуры Института им. Бунинова работа в этой области занимает крайне скромное место. У нас нет, наконец, и такого научно-исследовательского учреждения, в котором вопросы теории литературы разрабатывались бы сколько-нибудь систематически.

Она из центральных проблем теории литературы — это проблема единства формы и содержания. На основе углубленной ее разработки мы прежде всего должны пойти в вопросах о самой специфике художественного образа, о природе художественного языка.

Здесь мыходим в неизвестность, когда вспоминаем: «Что такое художественное произведение?»

Она из центральных проблем теории литературы — это проблема единства и целостности произведения, в котором художественное выражение и содержание не расходятся.

Она из центральных проблем теории литературы — это проблема единства и целостности произведения, в котором художественное выражение и содержание не расходятся.

Она из центральных проблем теории литературы — это проблема единства и целостности произведения, в котором художественное выражение и содержание не расходятся.

Она из центральных проблем теории литературы — это проблема единства и целостности произведения, в котором художественное выражение и содержание не расходятся.

Она из центральных проблем теории литературы — это проблема единства и целостности произведения, в котором художественное выражение и содержание не расходятся.

Она из центральных проблем теории литературы — это проблема единства и целостности произведения, в котором художественное выражение и содержание не расходятся.

Она из центральных проблем теории литературы — это проблема единства и целостности произведения, в котором художественное выражение и содержание не расходятся.

Она из центральных проблем теории литературы — это проблема единства и целостности произведения, в котором худ

МОЛДАВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРЕД СЕЗДОМ

(От нашего корреспондента)

Быстро растет и развивается культура советской Молдавии. Молдавия, лишенная в недавнем прошлом своей национальной школы, распологает сеансами обширной сети школ, насыщающими 559 единиц, имеет ряд высших учебных заведений, свой молдавский театр, радиостанции, молдавскую капеллу и другие культурные организации.

Периодическая пресса советской Молдавии насчитывает уже 40 газет и несколько журналов, издающихся на родном языке.

Переведя алфавит на латинизированный шрифт, советская Молдавия быстро становится республикой всеобщей грамотности.

Так в условиях советской системы, в ожесточенной борьбе с буржуазными националистами, создается на основе ленинской национальной политики национальная по форме и социалистическая по содержанию молдавская культура.

На фоне этого огромного культурного подъема развивается и молдавская советская литература.

Продолжая путь упорной борьбы с националистами типа Очинского и Кафтанаки, пропагандировавших в страницах журнала «Октябрь» свои контрреволюционные идеи, молдавская литература приходит в всеобщую сеть писателей с значительными количественными и качественными результатами.

Если за два истекших года (1932 и 1933) издано всего 18 оригинальных молдавских произведений, в числе которых «Гудок» Маркова и др., и незначительное количество переводных, то только за 6 месяцев 1934 г. продукция молдавских писателей насчитывает 21 оригинальное произведение, не говоря уже о большом количестве переводов лучших образцов советской художественной литературы на молдавский язык.

Углубилась тематика произведений, появились новые кадры писателей, среди которых нужно отметить тов.

«НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ» — СЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ

Вышел из печати № 5 журнала «Наши достижения».

Набека, работающего в области поэзии, гг. Барского и Цыганы (проза), Канука и Соловьева, работающих над очерком.

Появляется на ноги и молдавская драматургия. Так, пьесы Лехтица «Виринца» с большим успехом идет в Тирасполе и на периферии. Ряд других драматургов также выступили с новыми пьесами.

Особо неблагополучным участком молдавской литературы является литература для детей. На эту важнейшую область оргкомитет ССР Молдавии до последнего времени не обращал достаточного внимания. Результаты такого отношения не преминули сказать: всего в текущем году вышло 3 рассказа для детей, категорически стоящих на невысоком уровне.

Правление Союза писателей Украины (тогда еще оргкомитет), учитывая значение развития молдавской литературы, все время уделяло этому вопросу большое внимание. Так, в апреле этого года в АМССР выезжают специальная brigada писателей в составе тт. Усенко, Панча, Зорина и Каплинского. Приезд brigady явился крупным событием в литературной жизни Молдавии и дал новый импульс молдавским писателям для дальнейшей творческой работы.

В целом художественная литература советской Молдавии находится в процессе непрерывного роста. Велико еще ограждение ее от угроз социалистического строительства, много есть еще отдельных ошибок, срывов, но быстро растущие молодые кадры, живая работа молдавского оргкомитета и, наконец, постановление всеукраинского съезда писателей, утверждавшее необходимость дальнейшей творческой помощи со стороны писателей Украины их молдавским собратьям, дают основания полагать, что в недалеком будущем литература советской Молдавии сможет занять соответствующее место и в общесоюзной литературе.

А. Н.

Открывающаяся на днях в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в связи с предстоящим всесоюзным съездом советских писателей выставка «15 лет советской литературы» оформлена между прочим целым рядом живописных художественных работ.

Центральное панно, венчающее художественное оформление выставки, помещено над большим разделом, характеризующим рост советской литературы за время, истекшее после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. Это панно называется «Читают» (работа худ. Люшина).

Первый раздел выставки «Классики марксизма в литературе» и раздел, посвященный Горькому, будут украсены большими портретами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Горького.

К разделу «Эпоха военного коммунизма» художником К. Блавовым написано панно «Агитвагон».

Художница Мельниковой написана панно «Молодые писатели» на приеме у т. Калинина и два панно на оборонную тематику. К разделу «Детская литература» написана картина художника Васильевым. Им же написано панно к разделу писателей народов ССР.

Для международного стендад небольшое панно написал художник Люшин под поэзиями «У нас и у них». Оно изображает зарубежного пролетарского читателя — потребителя нашей партийной и художественной литературы и нашего читателя за книгами иногородних революционных писателей.

Слева направо — К. Блавов, «Красногвардейцы у агиттрака»; Васильев, панно к отделу детской литературы; Люшин, «Читают».

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ У МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Литактив журнала «Молодой большевик» не прерывает своей работы на лето. Он продолжает систематически собираясь, организуя собеседования с писателями, творческий опыт которых презентован целиком для начинающих авторов. Исключительно интересной была недавняя беседа с И. Бабелем.

На этот раз актив встретился с Ильей Эренбургом.

Отвечая на многочисленные вопросы, Эренбург рассказал о работе над своим следним романом «День второго». Материал для него был собран автором в беседах с нашим рабочим и учащейся молодежью во время прошлого приезда его в СССР. Кроме того он использовал полученные от вузовских дневников и письма.

— Какие ваши произведения вам наиболее нравятся? — спрашивается у своего гостя литературная молодежь.

— Моя любимая книга — всегда самая последняя, — отвечает Эренбург.

Всегда самая последняя, потому что растут требования, предъявляемые писателем к своему творчеству, улучшается мировоззрение и крепнет мастерство.

— Какие ваши произведения вам наибольше нравятся? — спрашивается у своего гостя литературная молодежь.

— Моя любимая книга — всегда самая последняя, — отвечает Эренбург.

Большине. Мне впервые пришло писать о нашей современной молодежи. Поэтому были трудности и чисто психологического порядка. Кроме того большое количество лиц и характеров, простой (без сложной интриги) сюжет, необычные для меня прежних романов. Здесь я шел по линии наибольшего сопротивления.

Эренбургу часто задают вопросы: в чем линия в «Дне втором» неопределенность из жизни? — Нет! — отвечает Эренбург, — несмотря на то, что роман написан в основном на материале Кунинского завода, в нем использованы факты, увиденные на Бобриках.

— Сколько часов в день вы пишете?

— Больше 4 часов без перерыва писать не могу. Если работаю над романом, то за 4 часа пишу до 4 страниц на машинке. Если пишу статьи или очерки, то страниц 10-15 не больше. «День второй» я пишу около 3 месяцев.

Эренбург разбивает легенду о том, будто он может писать только в кафе:

— Сначала я, действительно, писал в кафе, так как в моей парижской комнатах стоял холод, потом это было в привычку. Но уже давно пишу дома, хотя первые 2 недели было очень трудно.

Беседа не ограничивалась кругом узкоспециальных тем. Товарищи интересовались бытом, культурной и политической жизнью французской рабочей молодежи.

Затем Эренбург перешел от ответов к «специальным» и в свою очередь задал ряд вопросов. Его интересует, что идет наша молодежь в художественной литературе.

Охотно отвечая на предложенные Эренбургом вопросы, некоторые товарищи отметили своеобразные «нон-

ж

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и